

полития

К. Е. Коктыш

ОНТОЛОГИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО (IV)¹

Ключевые слова: рациональность, онтология, ценности, политическая наука, эволюция концептов

Эволюция концептов Просвещения

¹ Окончание. Начало см. *Полития*. 2016. № 2, с. 33—54; № 3, с. 6—30; № 4, с. 6—24.

Рассмотренная в предыдущих разделах история развития понятия рационального — вопреки привычным стереотипам, оно оказывается отнюдь не линейным, а скорее циклическим, слабо, если вообще связанным с техническим прогрессом и зависящим главным образом от исхода взаимной борьбы символических фигур вождя, жреца и купца, когда победитель, утверждая свои практики в качестве *ratio* здравого смысла, стремится к тотальной экспансии своей онтологии и своей системы ценностей, — позволяет нам предложить собственное определение демократического рационализма, который начиная с Нового времени в основном и отождествляется с разумностью и прогрессом. В нашей системе координат его можно охарактеризовать как систему, в рамках которой купец, избавившись совсем или на время от жреца и вождя, то есть превратив их в фигуры виртуальные и конструируемые, пытается именем общества легитимировать свою власть. Именно так обстояло дело в Древней Греции, где демократические порядки на поверку институционально закрепляли вполне олигархический тип правления, в республиканском Риме, где гражданские добродетели были призваны обеспечить постоянную готовность граждан к захватническим походам, одновременно маскируя разрыв между имущим классом и остальными, и во Франции эпохи Просвещения, где идеалы свободы, равенства и братства возникли в первую очередь в качестве инструмента утверждения купцом собственной власти.

Такая интерпретация дает ключ к объяснению отмеченной Святославом Каспэ «пустоты» базовой метафоры демократии, где главный декларируемый субъект власти, народ, по сути, отсутствует и «народа выраженье» ни в коем случае самим народом не является². Представляется, что этот парадокс пустоты властного центра³, заполнение которой в рамках демократической процедуры одной из соперничающих групп сродни погоне за тенью, ибо победитель, получив власть, ее тем не менее не получает⁴, вполне удовлетворительно может быть объяснен отсылкой к купцу, прячущемуся за спиной народа от взора зрителей. Ведь купец и впрямь не может позволить себе появиться на авансцене — по причине своей заведомой нелегитимности в качестве непосредственно действующей политической фигуры. Как указывал еще Аристотель, дело торговое всегда партикулярно и в принципе не может выражать интересы общества, поскольку оно «не ради чего-то общего... но ради того, чем пользуются»⁵.

² Каспэ 2016: 9.

³ Там же: 10—12.

⁴ По емкой характеристике Клода Лефора, «власть не принадлежит никому лично», и «те, кто практикует ее, не обладают ею, более того, не воплощают ее» (цит. по: Каспэ 2016: 15).

⁵ Аристотель 2005: 271.

В самом деле, рационализм купца едва ли может быть приравнен к рационализму общества: купеческое *ratio* партикулярно в той же мере, что и его интересы, в силу чего оно не конструирует общество, а, напротив, расщепляет его, реализуясь как раз за счет замещения общественного *ratio* индивидуальным. Соответственно, в рамках онтологии купца индивид, вне сомнения, есть, а вот общества как отличного от механической суммы индивидов субъекта со своими собственными интересами быть не может. Тот же Аристотель, выделяя три возможных образа жизни, а по сути — три типа рационализма: «государственный, философский и полный наслаждений»⁶, резонно отказывал последнему, в отличие от первых двух, во всеобщности. И действительно, наслаждение всегда индивидуально. Ровно поэтому Иеремия Бентам, провозгласивший полезность главным смыслом бытия, отрицал наличие общества как целостной и органичной сущности: «Общество есть искусственное тело, состоящее из индивидуальных лиц, которые рассматриваются как составляющие его члены. Что же такое есть в этом случае интерес общества? Сумма интересов отдельных членов, составляющих его»⁷.

⁶ Там же: 15.

⁷ Бентам 1998: 5.

В протестантской картине мира общество и впрямь немислимо в качестве целостного субъекта, обладающего внутренними, а не продуцируемыми государством (прежде всего практикой сбора налогов и повинностей) основаниями существования: неотъемлемое право каждого на диалог с Богом неизбежно предполагает и право на собственную систему ценностей. Фигура жреца заморожена тут раз и навсегда, а пространство ценностей прочно замкнулось в клетке индивидуализма как единственно возможной реальности. Тем самым из списка «настоящих» оказались исключены — как когда-то в республиканском Риме — любые не верифицируемые очевидной процедурой ценности, которые приобрели вид условных и виртуальных, а вместе с ними исчезла и сама возможность неимитационного существования порождающих их институтов жреца, то есть нормативных корпораций. Логично, что в результате такого исключения главным форматом социальной самореализации стали купеческие корпорации как объединенные процедурой союзы индивидов, нацеленные на достижение частных интересов своих членов и опирающиеся на могущественное, но при этом поставленное им на службу государство, экзистенциальный смысл которого сводится к защите собственности.

NB! Как представляется, именно это появление «признаваемого настоящего», демократии без демоса, когда общества нет, но его отсутствие ничуть не мешает легитимации его именем социального порядка, подготовило почву для расцвета симулякров Постмодерна, который и произошел преимущественно в рамках протестантского смыслового пространства. «Реальному... незачем больше быть рациональным, потому что оно не измеряется больше согласно какой-либо инстанции, идеальной или негативной... оно только

операционально. В действительности, это больше и не реальное, так как никакое воображаемое его отныне не обволакивает. Речь не идет больше об имитации, ни о дублировании, ни даже о пародии. Речь идет о замене реального знаками реального, то есть об операции устранения всего реального процесса его операционным дубликатом, метастабильной знаковой машиной, грамматической, безупречной, которая дарует все знаки реального и минует при этом все перипетии»⁸.

⁸ Бодрийяр 2013:
17–18.

В свою очередь, в руссоистской парадигме общество вполне существует: как раз свобода общества, в отличие от свободы индивидуальной, и полагается там единственно реальной. В связи с этим эта парадигма оказывается более сложной и вместе с тем более противоречивой. Так, в ней имеется априорное и неизбежное зло в виде государства, которое, впрочем, есть зло ограниченное, поскольку оно легитимно не само по себе, но по причине его конструирования обществом; с целью минимизации негативных последствий деятельности государства его функции разделены, насколько это возможно, между различными ветвями власти. Государству противостоит породившее его общество, чья картина мира строится на принципе свободы, которая в любой момент может обратиться в свободу от любых норм, навязываемых государством (что в полной мере продемонстрировали эксцессы Великой французской революции). Экзистенциальный антагонизм общества и государства снимается политическим процессом, третьей стороной которого в силу обладания ресурсами является купец. Именно он в состоянии присваивать себе право артикулировать общественные интересы; в результате борьба за представление частных интересов в качестве общественно значимых и становится главным содержанием политики и политического.

Эти две парадигмы, на которых, строго говоря, и базируется современный демократический рационализм, безусловно, очень разные, если не сказать конфликтующие. В основе гоббсовской парадигмы разумности лежит процедура, которой, собственно, и оформляется извне воображаемое общество. В руссоистской же парадигме разумны ценности, которые первичны по отношению к любой процедуре — та выступает лишь одним из способов их реализации — и потому легко могут оказаться выше нее. В связи с этим неизбежно возникает соблазн попытаться интерпретировать конфликт и противостояние данных парадигм как основное содержание развития политической науки и политического процесса эпохи Модерна, но минимально внимательный взгляд на историю удерживает от этого. Политический концепт, разумеется, может порождать новые политические практики, но куда чаще он сам возникает в качестве рефлексии и легитимации чего-то уже установившегося. В частности, не вызывает особых сомнений, что Томас Гоббс, а вслед за ним и Джон Локк осмысливали и рационализировали в первую очередь не умозрительную, а вполне современную им реальность,

которую они непосредственно наблюдали: британская экспансия и построение Pax Britannica начались как минимум за полвека до революции Оливера Кромвеля и, более того, явились одной из ее причин. Бесспорно, их концепты не столько формировали реальность, сколько догоняли ее, рационализуя и легитимируя те формы, которые она по факту принимала. Напротив, идеологи Просвещения во многом как раз выступали творцами реальности.

И если посмотреть на политическую прагматику, задаваемую институциональным дизайном этих двух парадигм рациональности, то в первом случае мы получаем мощный союз двух корпораций, купеческой и государственной, в рамках которого защита купца есть смысл существования власти, а во втором — постоянное соперничество купеческих групп интересов за контроль над государственной машиной. Первая институциональная конструкция, имея минимум внутренних проблем, легко может обеспечить эффективную внешнюю экспансию; вторая же будет постоянно втянута в процессы передела ресурсов и влияния. На практике, как мы знаем, победила первая — если тут, конечно, вообще уместно говорить о соперничестве, а не о заранее предрешенном исходе. Отсюда следует, что куда правильнее вести речь не о конкуренции двух концептов рационального, а о поглощении второго первым — как по праву первородства, так и на правах явного победителя. В результате такого поглощения процедурный подход интегрировал в себя ценности свободы, равенства и братства — естественно, не в качестве первопричины, а в качестве обоснования особенностей и телеологии процедуры, — что наложило свой отпечаток на его эволюцию, породив целый ряд новых политических сущностей.

Эволюция процедуры: возникновение концепта прав меньшинств. Первый опыт интеграции в обоснованный Гоббсом, а затем и Локком процедурный подход ценностей Просвещения принадлежал, как известно, Соединенным Штатам. Восставшие против британской метрополии североамериканские колонисты, «коллективный купец», обнаружили себя ровно перед той проблемой, которой столь тщательно сторонился, полагая безнадежной, Гоббс: им пришлось заняться конструированием собственного института вождя, чья легитимность опиралась бы на вполне земные, электоральные основания. Такие изначальные условия с неизбежностью разрушали большую часть достоинств гоббсовской конструкции, где онтологически связанная власть оказывалась на службе купца, сохраняя за ним полную свободу рук. В электоральной системе подобное положение дел уже не было само собой разумеющимся. Сам факт ее наличия превращал несущий гоббсовский концепт общественного договора в бесполезную архаику, поскольку при выборной системе властная онтология и телеология, которые тот должен фиксировать в качестве неизменных, вполне легитимным образом могут кардинально меняться хоть с каждым электоральным циклом. Последнее, кроме прочего, не исключало того, что

новая власть, как мифический Голем, однажды повернется против породившего ее купца и его критериев разумного.

- ⁹ *Судаков 2016: 56.*
- ¹⁰ *Хайдекинз (ред.) 1997: 69.*
- ¹¹ *Федералист 1994: 274.*
- ¹² *Там же.*
- ¹³ *Там же: 96.*
- ¹⁴ *Там же: 285.*
- ¹⁵ *Там же: 165.*
- ¹⁶ *Там же: 67.*

Теоретическая возможность такого рода широких колебаний политической системы не только обнуляла сам смысл борьбы американцев против британской метрополии, но и обесценивала провозглашенную Джоном Уинтропом идею создания Града на холме⁹, свободного от постылой косности Старого света. Поэтому неудивительно, что, спасая свои идеалы, отцы-основатели Соединенных Штатов по итогам восьмилетней Войны за независимость обратились к двум смысловым источникам — просвещенческому опыту и истории Римской республики. Французский опыт при этом осмысливался ими как спорный, если не явно негативный: так, Александр Гамильтон, полемизируя с Томасом Джефферсоном и Джеймсом Мэдисоном, обвинял их в намерении создать в Америке «французские обстоятельства»¹⁰. Неприемлемым в этих «обстоятельствах» ему представлялось не что иное, как ключевое для просвещенческой парадигмы категоричное противопоставление общества и государства, логично вытекавшее из вольтеровской первичности свободы как свободы от любых ценностей вообще и восходившего к Шарлю Луи Монтескье концепта государства как неизбежного узурпатора естественных прав индивида. Подобная модель резонно оценивалась им и его единомышленниками как ведущая к неоправданным внутренним издержкам и низкой эффективности. Действительно, отсутствие сильной фигуры вождя, то есть централизованного государства, — кошмар для купца, нарушение разумного порядка, чреватое повторением негативного европейского опыта и упущенной выгодой, когда «свобода... будет повсеместно раздавлена постоянными армиями, с одной стороны, и постоянными поборами и налогами, с другой»¹¹. По мнению отцов-основателей США, «судьба разьединенной Америки будет даже губительнее, чем судьба Европы, в которой источники зла ограничены ее собственными пределами»¹². Если же, напротив, в Америке «будет на все штаты одно правительство, тогда для основного объема нашей торговли потребуется охранять только одну сторону — Атлантическое побережье. Суда, приходящие прямо из иностранных государств с ценными грузами, в редчайших случаях предпочтут подвергнуться многим и серьезным опасностям, сопутствующим попыткам разгрузки до входа в порты»¹³.

Но, получив «великое и существенное право регулировать внешнюю торговлю»¹⁴, символическая фигура вождя неминуемо обретала ресурсы и для действий внутри страны. Соответственно, вставал вопрос: каким образом обеспечить такое устройство государства, которое позволяло бы безопасно наделять правительство необходимыми полномочиями¹⁵, иными словами, как сделать так, чтобы государство было достаточно сильным, чтобы защитить купца от угрозы извне, ибо защита «от внешней угрозы — самая могучая побудительная причина при проведении национальной политики», перед которой «со временем... померкнет даже самая горячая любовь к свободе»¹⁶, и при этом

не допустить экспансии возникающего тем самым полноценного института вождя и его критериев разумного внутри страны, то есть сохранить свободу купца?

Путь к решению этой проблемы был нашупан отцами-основателями США в практиках Римской республики, в лучшие времена которой сенат сохранял контроль над учрежденным им государством, направляя активность полководцев исключительно вовне и за счет добываемых ими ресурсов управляя внутренним порядком вещей. Не случайно при издании своего «Федералиста» авторы американской Конституции Мэдисон, Гамильтон и Джон Джей использовали псевдоним Публий, имея в виду одного из инициаторов изгнания из Рима последнего царя Тарквиния, а затем — и одного из двух первых консулов Римской республики Публия Валерия Публикола. Полемизируя с Монтескье, Гамильтон пытался обосновать возможность воспроизводства именно этой конструкции, полагая федеративный союз той конфигурацией, которая позволит сочетать внешнюю силу и внутреннюю слабость конструируемой власти, когда «маленькие республики наслаждаются своим собственным счастьем, а в отношении внешнего мира они, пребывая в ассоциации, имеют все преимущества больших монархий»¹⁷. О том, что ключевым для отцов-основателей было не что иное, как создание эффективного механизма внешней экспансии по римскому образцу, свидетельствуют и воспоминания современников о первом президенте США Джордже Вашингтоне: образовав на границе Севера и Юга «ничейный» округ Колумбия и заложив там город, который впоследствии получит его имя, Вашингтон рассматривал его как «метрополию американской империи, простиравшейся далеко на запад до Миссисипи, включая области, которые <он> надеялся освоить с помощью сухоходной компании Потомак, где... был акционером»¹⁸.

¹⁷ Там же: 76.

¹⁸ Хайдекинг (ред.) 1997: 66.

Чтобы обеспечить подконтрольность конструируемого Голема — ведь, оставшись без руководства извне, тот, как известно, тут же впадает в панику, а затем и в буйство разрушения, — из римского опыта ими был взят принцип *divide et impera*. Он и становится онтологическим принципом, в первую очередь распространявшимся на чуждое для купца пространство политической власти: купец не может лично отправлять власть, но зато может сохранять на нее право собственности. Смысловое расширение гоббсовского концепта собственности осуществил Мэдисон: собственность у него предстает тотальным и единственно мыслимым онтологическим интегратором. Собственностью может быть все, это не только «земля, товары или деньги», но и «религиозные убеждения и продиктованные ими профессия и тактика... личная безопасность и свобода, свободное использование своих способностей и свободный выбор предметов, к которым он <человек> их применяет»¹⁹. Логичным образом собственностью должна быть и власть, и она должна принадлежать тем, кто владеет страной. В известной формулировке Гамильтона, бывшего «яростным сторонником олигархической республики»²⁰, эта установка звучала как «республиканское правление, свобода и собственность»²¹.

¹⁹ Яковлев 1994: 20—21.

²⁰ Там же: 10.

²¹ Федералист 1994: 562.

Действительно, римский опыт показал, что сохранить собственность на делегированную сконструированному институту вождя власть возможно, если ее разделить. В результате римский принцип *divide et impera* легитимируется просветительским концептом государства как потенциального узурпатора естественных прав и свободы — но уже не свободы вообще, а свободы индивида, где главным индивидом, разумеется, является купец, чья свобода и должна быть защищена от потенциальных злоупотреблений государства, — утверждаясь в качестве всеобщего принципа институционального строительства. Это и разделение властей («сохранить свободу можно, лишь разделив и сделав автономными три главные ветви власти»²²; правительство «становится хорошим не в результате консолидации или концентрации власти, а в результате ее распределения»²³), и контроль над исполнительной властью (последнюю «легче ограничивать, когда она находится в руках одного... умножение людей исполнительной власти скорее опасно, а не благоприятно для свободы», поскольку «объединение репутаций и влияния нескольких индивидуумов представляет большую угрозу свободе, чем репутация и влияние любого из них порознь»²⁴), и институциональная невозможность «временного сговора законодательной и исполнительной властей»²⁵, которую призван обеспечить и двухгодичный цикл обновления законодательного органа, и выстраиваемая система сдержек и противовесов («прежде чем такой переворот мог бы произойти, сенат... должен первым делом разложиться сам, затем разложить законодательные собрания штатов, затем палату представителей и, наконец, весь народ»²⁶).

Логичным образом принцип *divide et impera* распространялся не только на власть, но и на легитимирующее ее общество, которое мыслилось отцами-основателями во вполне протестантском духе, то есть как воображаемая, конструируемая извне сущность. «Выборный деспотизм — вовсе не та форма правления, за которую мы боролись»²⁷, — провозглашал Мэдисон, а всеобщие выборы опасны: как предупреждал Бентам, при определенных обстоятельствах они способны уничтожить «перевес аристократии», который «столь же естественен, как справедлив и необходим»²⁸. Править же, разумеется, должен купец — при том что большинство (в тех случаях, когда оно возникает) с этим будет явно несогласно, хотя «постоянные обвинения в адрес богатых, высокородящихся и выдающихся не могут не вызвать отвращения всех думающих людей»²⁹.

Однако тут вставала серьезная проблема. Доминировавший протестантский рационализм исключал монополию на истину, возможность индивидуального общения с Богом превращала плюрализм в его основополагающий онтологический принцип. Очевидно, что в силу этого легитимация всей этой сложной институциональной конструкции могла оказаться недостаточной, ибо основы политической системы могли точно так же быть подвергнуты сомнению, особенно с учетом того, что вследствие «распрей соперничающих партий» предпринимаемые правительства меры «слишком часто грешат против правил

²² Там же: 323.

²³ Джефферсон 1990: 78.

²⁴ Федералист 1994: 465.

²⁵ Там же: 182.

²⁶ Там же: 421.

²⁷ Там же: 334.

²⁸ Бентам 2006: 144.

²⁹ Федералист 1994: 563.

³⁰ Там же: 77.

справедливости и прав меньшинства, тем паче что вводятся превосходящей силой заинтересованного и властного большинства»³⁰. И тогда она еще раз была подкреплена все тем же принципом разделения: любое возникавшее большинство должно было трактоваться как угроза тирании и подвергаться немедленному расщеплению и дроблению. Такая установка, бесспорно, во многом диктовалась электоральной прагматикой: априорная делегитимация большинства и, напротив, утверждение меньшинств в качестве главного легитимного актора, помимо прочего, значительно повышают возможности контроля над избирательными кампаниями и их исходами. В результате дробление общества и всех аспектов его деятельности на все более мелкие индивидуализированные составляющие, столь ярко описанное Мишелем Фуко³¹, заняло ключевое место в рационализме новой реальности. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что такое дробление вполне логично, разумно и оправданно с точки зрения онтологии купца, в рамках которой индивид с его потребностями является единственно возможной и реальной сущностью, тогда как большинство всегда есть искусственное порождение.

³¹ Фуко 1999: 248—284.

«Если общий интерес объединит большинство, права меньшинства могут оказаться под угрозой, — доказывали Мэдисон, Гамильтон и Джей. — Против этого зла есть только два средства: первое — создать силу, независимую от большинства, то есть от самого общества, второе — разбить общество на такое большое число отдельных групп граждан, какое сделает любое объединение ради несправедливых целей маловероятным и, пожалуй, даже неосуществимым. Первое средство чаще в ходу у правителей, получивших власть по наследству или самих ее взявших. Защита эта не слишком надежна: сила, не зависящая от общества, может равно поддержать как несправедливые взгляды большинства, так и законные интересы меньшинства, а то и ополчиться против обоих. Второе средство будет воплощено в федеральной республике Соединенные Штаты. Пока вся власть в ней исходит и зависит от общества, само общество разделится на столько частей, интересов и групп, что правам отдельных граждан или меньшинства вряд ли сможет угрожать объединившееся заинтересованное большинство. При свободном правлении гражданские права должны быть в такой же безопасности, как и права религиозные. В первом случае их безопасность обеспечивается множеством интересов, во втором — множеством сект. В обоих случаях степень безопасности будет зависеть от числа различных интересов и числа сект, а это в свою очередь зависит от размеров территории страны и численности населения, подчиняющегося одному и тому же правительству. С этой точки зрения подлинная федеральная система может быть особенно рекомендована всем искренним и верным друзьям республиканского правления»³².

³² Федералист 1994: 349—350.

Другим важнейшим институциональным форматом расщепления общества на меньшинства должна была стать представительная система. «В демократии... народные толпы лично исправляют обязанности

законодателей» и «в силу своей непригодности для серьезных обсуждений и согласованных решений постоянно оказываются игрушками в руках честолюбивых чиновников», в то время как «в представительной республике, где... число представителей достаточно велико, чтобы чувствовать все страсти, владеющие толпой, и вместе с тем не столь велико, чтобы сделаться неспособным преследовать те цели, какие внушают эти страсти, средствами, предписываемыми разумом», народ сможет «употреблять все свое рвение и всю свою предусмотрительность, дабы обезопасить себя от славолубия... этой ветви власти»³³. И поскольку представительство будет «весьма полезным <для народа> в качестве необходимой защиты от собственных сиюминутных ошибок или заблуждений»³⁴, «полное исключение народа, который представляется общенародным собранием, из участия в правлении»³⁵ должно полагаться главным преимуществом Америки.

³³ Там же: 333.

³⁴ Там же: 417.

³⁵ Там же: 420.

Собственно же внутренний порядок вещей, столь тщательно огороженный сложной институциональной конструкцией власти, мыслился отцами-основателями как безраздельное и ничем не связанное доминирование рационализма купца. Именно он и должен был определять логику действий сконструированного института вождя, которому надлежало быть «оплотом против иноземной угрозы, хранить мир между нами и попечительствовать нашей торговле и другим общим интересам»³⁶, «обеспечивать свободы <Союза штатов> и обоюдную и всеобщую заботу о благосостоянии»³⁷.

³⁶ Там же: 103.

³⁷ Там же: 280.

NB! «Процветание коммерции ныне рассматривается и признается всеми просвещенными государственными мужами как самый полезный и в то же время самый производительный источник национального богатства и поэтому стало главным предметом их политических забот, — читаем мы в «Федералисте». — Умножая средства удовлетворения потребностей, поощряя введение и обращение ценных металлов, этих дражайших предметов людской жадности и предприимчивости, коммерция служит оживлению и укреплению каналов индустрии, убыстряет ее деятельность и умножает ее плоды. Усердный купец, прилежный землепашец, изобретательный механик и работающий производитель — все категории людей с заинтересованным ожиданием и растущим рвением предвкушают приятное вознаграждение за свои труды»³⁸.

³⁸ Там же: 94.

Таким образом, создавая свой Град на холме, американский купец построил новый порядок — разумеется, уже лишенный гоббсовской простоты и стройности, но тем не менее вполне воспроизводящий британский этатизм. Правда, отправление власти (вернее, контроль над ней) теперь становится постоянной функцией купца, от которой зависит его самосохранение, — и оно критическим образом связано с его способностью порождать и культивировать меньшинства. В результате власть купца «проявляет себя, завершает свой цикл, поддерживает свою

целостность благодаря набору небольших разрозненных фрагментов одной и той же совокупности, единого объекта, общая конфигурация которого — это проявленная структура власти»³⁹.

³⁹ Фуко 2005: 65.

Британская колониальная эпоха и политическая операционализация концептов Просвещения. Как мы видели, гоббсовская политическая онтология предполагает вполне плодотворное сосуществование двух корпораций, купеческой и государственной, причем вторая оказывается на службе у первой. Воплощенным символом этого симбиоза с предписанными ролями стала британская Ост-Индская компания (ОИК), основанная в последний день 1600 г. указом дочери Генриха VIII Елизаветы I. Столь эффективный, в первую очередь в силу своей структурной простоты, политический дизайн не мог не обеспечивать Британии существенные преимущества перед странами остальной Европы и уже по этой причине непременно должен был сработать. И он сработал — как отмечает Джованни Арриги, в «XVIII веке <это> превосходство было достаточным, чтобы позволить опоздавшим... завоевать некоторые наиболее богатые источники дани в распадавшейся империи Моголов — особенно Бенгалию — и тем самым выйти за рамки простого создания азиатской морской империи, как это имело место в случае с португальцами и голландцами»⁴⁰.

⁴⁰ Арриги 2006: 93—94.

В гоббсовской конструкции британский купец обладал двойными преимуществами — подобно двуликому Янусу новой эпохи, ОИК могла сочетать инструменты купца и вождя. И, начав как классический купец, за золото скупавший индийские шелка и хлопок, ОИК все чаще действует уже как вождь, плавно переходя к прямому грабежу и в рамках его легитимации присваивая себе все новые функции государства. Так, в 1661 г. ОИК получила право объявлять войну и заключать мир, а четверть века спустя добилась права чеканить монету, организовывать военно-полевые суды и содержать собственные армию и флот⁴¹. Верхней же точкой этого процесса перерождения стал 1757 г., когда по итогам битвы при Плесси ОИК не только поставила во главе Бенгалии своего человека, но и вырвала себе право собирать там налоги.

⁴¹ Парфенов 1980: 9.

Подобного рода джекпот, сорванный ОИК, коренным образом изменил дальнейшую судьбу Британии. Сумма награбленного была поистине гигантской: в период между 1757 и 1780 гг. ОИК вывезла из Индии золота, серебра и товаров на 38 млн фунтов стерлингов⁴². Чуть ли не впервые в своей истории британская корона смогла расплатиться со своими долгами и обрела ресурс для финансирования промышленной революции. При этом индийский экспорт стал для ОИК фактически бесплатным — он с лихвой покрывался безжалостно собираемыми компанией налогами. Ограбление Бенгалии, до прихода англичан представлявшей собой процветающий экспортный центр, включенный в интенсивный товарооборот со всей Юго-Восточной Азией, обернулось для Индии деградацией всей экономики. Из экспортера готовой продукции она стала превращаться в поставщика

⁴² Бонгард-Левин 1973: 134.

сырья и импортера товаров, произведенных на британских мануфактурах. И если еще в 1814 г. соотношение между ее экспортом и импортом составляло в денежном выражении 1 млн 266 тыс. фунтов стерлингов к 316 тыс., то в 1833 г. она ввезла товаров на 1 млн 528 тыс. фунтов, а вывезла лишь на 109 тыс.⁴³

⁴³ Айзенштат, Гелла 1999: 66.

Впрочем, откровенный грабеж редко бывает продолжительным. Хлынувший в Британию поток золота и товаров неминуемо породил внутри нее существенные дисбалансы, тем самым актуализировав вопрос о принципах распределения и узаконивания награбленного. Пробудилось британское государство и достаточно категорично, хотя и вполне в рамках купеческой мировоззренческой системы координат заявило претензию на часть добычи. Купец, начавший действовать в парадигме вождя, с неизбежностью стал восприниматься британским государством как конкурент: «...Появился новый враг Компании, на этот раз уже не в лице конкурирующих компаний, а в лице конкурирующих министров и конкурирующей нации. Указывалось на то, что территориальные владения Компании были завоеваны с помощью британского флота и британских войск и что ни один британский подданный не может обладать верховной властью над какой-либо территорией независимо от короны. Министры и нация тех времен потребовали своей доли в чудесных сокровищах, которые, как тогда себе представляли, достались Компании в результате последних завоеваний. Компания спасла свое существование лишь благодаря соглашению, заключенному в 1767 г., по которому она обязалась ежегодно вносить в государственную казну 400 000 фунтов стерлингов»⁴⁴.

⁴⁴ Широкопад 2014: 74.

Понятно, однако, что на процедурном уровне, простым выкупом, противостояние двух корпораций, ОИК и британского государства, могло быть в лучшем случае отложено, но не снято в принципе — и актуальнейший для ОИК вопрос легитимации вновь обретенной собственности остался подвешенным. Поэтому логично, что спустя некоторое время британский парламент вновь обратил свое внимание на ОИК, начав слушания по поводу методов и способов, которыми Роберт Клайв и Уоррен Хастингс установили в 1750—1770 гг. в Индии британский порядок вещей. «Целенаправленная политика, сочетавшая ставку на военную силу с использованием привычных для индийского общества институтов восточного деспотизма», подверглась жесткой критике, практически полностью лишившей вчерашних героев их славы⁴⁵. Вскрывшиеся при расследовании практики «войн, насилия и откровенного грабежа» предстали во всей их неприглядности⁴⁶, и ОИК надолго превратилась в символ коррупции⁴⁷. В 1787 г. британский парламент принял так называемый «Индийский билль», отчасти поставивший ОИК под контроль государства, подтвердив право короля посылать войска в Индию и обязав ОИК по приказу правительства направлять туда свои вооруженные силы и оплачивать их содержание⁴⁸.

⁴⁵ Грудзинский 2015: 120.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Хазанов 2015: 74—75.

⁴⁸ Там же: 80—81.

Серьезность вызова легитимации собственности, с которым столкнулась ОИК, трудно переоценить: сомнительность обретенных

богатств делала возможной их дальнейшую конфискацию и перераспределение, и давление со стороны государства неминуемо должно было нарастать. Вызов был тем сильнее, что дальнейшее существование ОИК требовало продолжения тех же сомнительных практик грабежа и коррупции в Индии. Правда, последнее неизбежно вело бы к нарастанию издержек — как гласит известный афоризм, на штыки можно опираться, но сидеть на них нельзя, и рано или поздно стоимость поддержания господства превысила бы доходы, этим господством приносимые. В свое время, оказавшись в аналогичной ситуации, испанцы нашли выход из положения, начав интенсивно инвестировать в христианизацию колонизированного населения, а тем самым — и в воспроизводство собственной онтологии в Южной Америке. И это инвестирование было столь эффективным, что его результаты чувствуются по сей день. У британского же купца, реализующего себя в Индии как вождь, особых идей по этому поводу не было, и задача легитимации его в глазах местного населения — с тем чтобы то воспринимало складывающийся порядок вещей как разумный и естественный — явных решений не имела. Попытки решить ее путем механического переноса британских бюрократических институтов оказались предсказуемо провальными — назначение в 1786 г. генерал-губернатором Бенгалии лорда Корнуоллиса, который должен был установить там «цивилизованное правительство» по британскому образцу, на деле привело лишь к усилению «военно-фискальной» практики, заложенной Клайвом и Хастингсом⁴⁹. Впрочем, если бы усилия Корнуоллиса вдруг увенчались успехом, это породило бы едва ли не большую проблему, сделав целый ряд неинституционализируемых практик грабежа и подкупа заведомо невозможными.

⁴⁹ Грудзинский
2015:121.

Очевидно, что в условиях доминировавшей в Британии картины мира задача двойной легитимации ОИК — в Британии и в Индии — решению не поддавалась. Это, однако, не означало, что для ее решения не могла быть сконструирована иная онтология. Функцию жреца, взявшегося за это на первый взгляд безнадежное дело, принял на себя Джеймс Милль. Не нарушая и не оспаривая гоббсовскую этатистскую конструкцию, он выстраивает в ее рамках новое смысловое поле: если нельзя унифицировать нормы и практики, предполагающие уважение прав собственности в Британии и полное их отрицание в Индии, то нужно обосновать принципиальную онтологическую разницу этих пространств, каждому из которых соответствует своя система ценностей и свое наполнение разумного. И в своем фундаментальном трехтомном труде «История Британской Индии», изданном в 1817 г., он представляет такое обоснование, закладывающее онтологическую основу последующего прогрессизма и европоцентризма.

Предложенная им модель довольно проста: все, что не соответствует британскому образцу «свободного купца» или может препятствовать его деятельности, объявляется неразумным, отсталым и неразвитым. Заявляя, что индийцы находятся лишь на первой ступени цивилизации,

рефлексирующий купец Милль обнаруживает свидетельства отсталости не в чем ином, как в развитых институтах вождя и жреца: оба они оцениваются им как источник деспотии, тирании и предрассудков. И поскольку Индия остановилась в своем развитии, а ее собственные владыки (низведенные ОИК до сервильного статуса) не смогли с этим справиться, цивилизаторскую миссию по обучению туземцев должна взять на себя Британия⁵⁰. Впрочем, Милль убежден, что ничего нового для Индии в этом нет: «народы Индустана во все времена были объектом для нападения и завоевания», и Ост-Индская компания «была вынужденно втянута в эти войны. Помимо своей воли и совершенно неожиданно для себя <она> стала обладательницей огромной индийской империи. Отказаться от нее она уже не могла, так как в Индии не было реальных сил для управления ею»⁵¹.

⁵⁰ *Айзенштат, Гелла 1999: 45—46.*

⁵¹ *Цит. по: Айзенштат, Гелла 1999: 79.*

Надо отметить, что текст Милля отнюдь не является примитивным политическим памфлетом. Это весьма добросовестное, детальное, тщательное и скрупулезное описание всех известных англичанам сторон жизни Индии. Казалось бы, как при таком подходе представить страну, еще совсем недавно бесспорно превосходившую Англию по качеству товаров (как известно, Ост-Индская компания довольно долго могла лишь скупать индийские товары, будучи не в состоянии предложить в ответ какой-либо товарный эквивалент), дикой и отсталой «ордой варваров», познавшей только первую, «деспотическую» стадию развития⁵²? И здесь на помощь Миллю приходит язык описания, предполагающий в качестве «нормальной» и единственно возможной протестантскую онтологию, где реальным существованием обладает лишь индивид, а общество есть не более чем механическое объединение индивидов. Понятно, что при таком угле зрения любые социальные институты, претендующие на часть свободы индивида, по определению оказываются источником деспотизма и порабощения.

⁵² *Там же: 45.*

Естественно, что возникающее в результате сугубо внешнее, процедурное описание основных политических, религиозных и социальных практик и ритуалов возможно лишь как нагромождение фактов, лишенных внутренней логики и взаимосвязи, что превращает их в набор экзотических странностей, если не нелепостей; и чем подробнее это описание — как, например, объемное, почти на сотню страниц, описание обрядов индуизма⁵³, — тем более курьезной и бессмысленной предстает общая картина. При этом странности, интерпретируемые как недоразвитость, Милль видит абсолютно во всем — и в системе землепользования, и в религии, и в обычаях и культуре⁵⁴. Институты вождя квалифицируются им как отсталые уже просто потому, что они были в основном сокрушены ОИК; институты жреца — потому, что они культивировали ценности прежде всего общества, а не индивида. Примечательно, что объектом снисходительной критики и признаком «нецивилизованности» для Милля становятся и те законы Ману, которые регламентировали справедливость как экономическую категорию, предполагая, в частности, распределение прибыли по всей производственно-торговой цепочке

⁵³ *Mill 1817: 198—286.*

⁵⁴ *Айзенштат, Гелла 1999: 45.*

⁵⁵ *Mill 1817: 138—141.*

⁵⁶ *Грудзинский 2015: 126.*

⁵⁷ *Айзенштат, Гелла 1999: 46.*

и возможность регулирования цен со стороны власти в случае необходимости⁵⁵. Логично, что в такой ситуации отдельной миссией Британии должно быть «раскрепощение духа индийского народа», «самой порабожденной части человеческой расы», «скованной деспотизмом и давлением религиозных предрассудков»⁵⁶.

Подобного рода политическая легитимация специфической двойной власти британского купца, его права на кардинально разные практики в колониях и в метрополии и его особой рациональности была воспринята в Британии как вполне убедительная. Был оценен по достоинству и ее творец: после выхода в свет «Истории Британской Индии» Милль был приглашен на работу в Ост-Индскую компанию как «человек большого интеллекта и литературных способностей», были приняты туда и его сыновья⁵⁷. Тем самым был заложен фундамент для дальнейшей смысловой эволюции *Rex Britannica*.

Значение этого фундамента нового рационализма еще больше возрастает на следующем этапе, когда по мере исчерпания практик прямого грабежа ОИК берет курс на вовлечение туземцев в потребление продукции британских мануфактур. При организации сбыта механизмы прямого принуждения малоэффективны, затратны и ненадежны, тогда как инвестиции в социализацию, когда население колоний начинает приобретать ввезенные из метрополии товары, поскольку ставит их выше местных, отождествляя с прогрессом, напротив, окупают себя сторицей. Осуществляя эти инвестиции, Британия следовала логике Милля, наряду с мануфактурой экспортируя в колонии идеалы Просвещения. Распространение этих идеалов и становится главной цивилизаторской миссией Британии в отношении опекаемых ею народов.

Правда, предусловием их распространения оказывается протестантизм: для купца он важен в первую очередь как эффективный способ экспансии своей онтологии, расщепляющий общества на индивидуальные составляющие. И практически с тем же пылом, с которым Англия во времена Генриха VIII эмансипировалась от католического Рима, Британия начинает нести рационализм «истинной религии» населению своих колоний. Так, в 1836 г. парламентская комиссия по обследованию коренного населения в Британской империи постановила, что задача Англии заключается в распространении «до крайних пределов земли цивилизации, гуманности, мира, порядка и прежде всего знания истинного Бога»⁵⁸. «Евангелическое стремление обратить Индию в христианство и либеральные усилия направить ее по пути капитализма слились в один поток, захвативший всю Британскую империю»; «прежний подход Компании к управлению Индией был заменен курсом на перестройку страны, ставшей лабораторией по реализации либеральных, евангелических и утилитаристских теорий»⁵⁹. Многие священники «были действительно настроены весьма воинственно, воспринимая избранную стезю как борьбу сил света и тьмы, которая должна привести к искоренению „жестоких“ религиозных верований индийцев и замене их христианством»⁶⁰. Более того, конечной целью «евангелического

⁵⁸ *Грудзинский 2015: 126.*

⁵⁹ *Там же: 126.*

⁶⁰ *Там же: 125—126.*

проекта» провозглашалась полная «англизация» Индии», являющаяся, по утверждению лорда Кавендиш-Бентинка, «нравственным и интеллектуальным восстановлением индийского народа» посредством утверждения «нашего языка, нашего образования и, в конечном счете, нашей религии»⁶¹. Как заявлял по этому поводу один из ярых адептов этой политики Чарльз Тревельян, конечная цель англизации — сделать индийцев англичанами больше, чем сами англичане⁶².

⁶¹ Цит. по:
Грудзинский 2015:
129.

⁶² Там же.

Таким образом, избавление от обычаев и суеверий, мешающих экономическому обновлению и духовной активности, о котором говорил уже сын Милля Джон Стюарт, в функциональной своей части было не чем иным, как вполне прагматичным расщеплением общества на меньшинства. Большинство — это всегда тиран, который от имени народа уничтожает индивидуальные свободы и права меньшинств. Дж.С.Милль рассуждал о «просвещенном меньшинстве»⁶³, исключение которого «диаметрально противоположно принципу демократии»⁶⁴, и о «рабской подчиненности партии большинства своей наименее достойной уважения части»⁶⁵. При таком угле зрения выпадение индивида из общества представляло его освобождением и обретением «истинной разумности». Свобода же в рамках купеческого рационализма — это в первую очередь свобода покупать и продавать.

⁶³ Милль 1863: 140.

⁶⁴ Там же: 127.

⁶⁵ Там же: 135.

Политическая операционализация концепта свободы происходит на волне промышленной революции, когда на ОИК стали давить обретшие силу и нуждавшиеся в рынках сбыта промышленники⁶⁶. «Бунт отстраненных от прибыльной торговли»⁶⁷ вылился в то, что Арриги впоследствии назвал «фритредерским империализмом»⁶⁸. В Британии развернулась бескомпромиссная борьба за справедливость в отношении Индии, которая, по словам депутата палаты общин Джозефа Юма, «так угнеталась метрополией, как ни одна наша колония»⁶⁹. Однако при ближайшем рассмотрении эта борьба за справедливость оказывается борьбой исключительно за свободу торговли. Так, Генри Данкли, баптистский священник и журналист, в эссе под символическим названием «Хартия наций» писал: «Свобода торговли, строго говоря, включается в индивидуальную свободу. Она есть часть той свободы действий, которая составляет неотчуждаемую собственность каждого человека»⁷⁰. А тот же Юм вполне категорично заявлял: «народы Индии такие же подданные Ее величества королевы, как и мы, как и жители Вест-Индии», а потому «не должно быть никаких ограничений в обмене продукцией между нами»⁷¹.

⁶⁶ Айзенштат,
Гелла 1999: 42.

⁶⁷ Там же: 43.

⁶⁸ Арриги 2006: 99.

⁶⁹ Цит. по:
Айзенштат,
Гелла 1999: 66.

⁷⁰ Цит. по:
Грудзинский 2015:
41.

⁷¹ Цит. по:
Айзенштат,
Гелла 1999: 65.

⁷² Арриги 2006: 99.

Операционализация концепта свободы как свободы торговли открыла перед британским купцом воистину фантастические перспективы, впервые позволив объединить территориальную и финансовую экспансию, когда имперская дань, получаемая из колоний, вкладывалась во всем мире⁷². Вместе с концептом свободы купец нашупал инструмент, позволяющий ему открывать границы государств, получать контроль над обществами, противопоставляя их правителям, и выстраивать свою глобальную власть, никак не регламентированную

международным правом: Вестфальская система, формально сохраняясь, de facto никоим образом не ограничивала купца, не являвшегося субъектом международных отношений и в силу этого оказывавшегося над любыми правилами. Либерализм впервые стал глобальным трендом, подкрепленным мощнейшими финансовыми потоками из Британии.

В практическо-политическом преломлении это означало внедрение идеологии фритредерства, то есть свободной торговли, в качестве безусловной нормы и принципа международного права. Преимущества в виде мануфактурного производства, которыми на тот момент обладала Британия, в XIX в. утвердившаяся в качестве неоспоримого центра капиталистической системы, могли быть реализованы только за счет превращения колоний в масштабные рынки сбыта для дешевых товаров из метрополии. Но для этого требовалось сделать нелегитимными, убрать и даже запретить все ограничения и барьеры на пути британских товаров, которые могли бы противопоставить столь мощной товарной атаке колонии, — и идеология фритредерства, обосновывая справедливость «равной» конкуренции британского мануфактурного производителя и местного кустарного, ближайшей современной аналогией чему было бы обоснование справедливости и «равности» гипотетического боксерского поединка Майкла Тайсона и школьника, по сути, на институциональном уровне ликвидировала конкуренцию и закрепляла рынок за британским производителем.

NB! «Вестфальская система, — отмечает Арриги, — основывалась на принципе, согласно которому межгосударственная система не подчинялась никакой верховной власти. Фритредерский империализм, напротив, ввел принцип, согласно которому законы, действующие внутри и между государствами, подчинялись верховной власти новой, метафизической сущности — мировому рынку, управляемому своими „законами“, — предположительно наделенной сверхъестественной силой, которая превосходила силу римского папы и императора в средневековой системе правления. Преподнося свое мировое превосходство в качестве воплощения этой метафизической сущности, Британия успешно распространила свое влияние в межгосударственной системе далеко за пределы того, что было гарантировано степенью и эффективностью ее аппарата принуждения. Эта необычайная способность была проявлением гегемонии, то есть способности обоснованно заявлять о том, что экспансия британской державы отвечала не только британским национальным интересам, но и соответствовала „общим“ интересам. В этом гегемонистском заявлении наиболее важно различие между властью правителей и „богатством народов“, тонко проведенное в либеральной идеологии, которая пропагандировалась британской интеллигенцией. В этой идеологии рост влияния британских правителей по сравнению с другими правителями описывался в качестве движущей силы общего роста богатства народов.

Свободная торговля могла подорвать суверенитет правителей, но в то же самое время она увеличивала богатство... подданных или по крайней мере... состоятельных подданных. Ведь национальные сообщества, которые пришли к власти в обеих Америках и во многих частях Европы в ходе этих потрясений, были прежде всего сообществами собственников, озабоченных главным образом денежной стоимостью своих активов, а не независимой властью своих правителей. И эти сообщества стали „естественными“ сторонниками британской фритредерской гегемонии»⁷³.

⁷³ Там же: 100—101.

Маркетизация идеалов Просвещения означала, таким образом, выстраивание на основе декларируемых просвещенческих ценностей системы обмена «метрополия—колония»: передача идеалов имела функциональную нагрузку и являлась частью обмена, когда Британия обеспечивала сбыт своим товарам, навязывая колониям собственную картину мира. В ее рамках последние представляли недоразвитыми, по сравнению с европейскими, обществами, которым, впрочем, предстояло повторить тот же эволюционный путь. Складывавшиеся обстоятельства оказывали на них как минимум двоякое воздействие: приобретая западные товары, колонии «приобщались к прогрессу», тем самым совершая цивилизационный рывок и в результате несколько сокращая цивилизационное отставание от Запада, но этот рывок был не чем иным, как включением их в британскую систему разделения труда в качестве «вечно догоняющей» периферии⁷⁴. Другими словами, колонизация вполне может быть определена как «альянс филантропии и коммерческой выгоды»⁷⁵.

⁷⁴ Григорьев 2014: 222.

⁷⁵ Следзевский 2010: 24.

Правда, у всего всегда есть своя цена. Подобная система обмена не могла не иметь последствий и для Британии — в виде того, что Арнольд Тойнби называл «грехом фарисейства»: «Когда две или более цивилизаций вступают между собой в контакт, они чаще всего обладают разными потенциальными силами. Человеческой природе свойственно пользоваться своим превосходством. Поэтому и цивилизация, осознавшая свое превосходство над соседями, не преминет прибегнуть к силе, пока эта сила есть. Представители агрессивной цивилизации, успешно проникшей в чужую социальную систему, уподобляются надменному фарисею, благодарившему Бога за то, что он не такой, как другие. Однако судьба иронична. Самовозвышение, бессознательно выливаясь в унижение других, приводит к отрицанию равенства человеческих душ. Невозможно, совершив грех отрицания человека в другом, не дегуманизировать тем самым самого себя»⁷⁶.

⁷⁶ Тойнби 2002: 467.

Тот факт, что британскую империю строила купеческая корпорация, во многом объясняет парадоксы и странности британского имперского строительства, когда на основе замкнутой и не жалующей государство нации вдруг возникла империя. Мы уже отмечали, что купец всегда партикулярен, он думает о выгоде, а она индивидуальна. С ним возможно партнерство, он может создать свою корпорацию, но эта

корпорация по-прежнему будет воспринимать внешний мир исключительно как объект извлечения прибыли. Отсюда — внутренняя отчужденность англичан от колониальных народов⁷⁷: англичане всегда стремились «отгородиться барьером от мира или отгородить мир от себя», демонстрируя культурную самодостаточность и отсутствие потребности в диалоге⁷⁸. Дело в том, что каждая отдельно взятая колония, по сути, представляла собой коммерческую корпорацию, которая смотрела на мир глазами Дж.Милля, то есть как на нелепый набор курьезов — и источник прибыли. Объектное восприятие всегда разрушительно, и в первую очередь в плане крайнего сужения жизненных смыслов, которые редуцируются до простейших.

Кроме прочего, этим объясняется тяжелая адаптация английских колонистов к жизни на родине — освободившись от «бремени белого человека», они, как правило, не находили себе места в Британии и в новой реальности по-прежнему отождествляли себя с миром своей колонии⁷⁹. Здесь же причина зависти отдельных англичан к католикам-французам, которым не надо было добывать материальные доказательства своего спасения. Как писал в своих заметках один британский колонист, знакомый с ситуацией во французской части Индии, «французы свободны от того исключительного и нетерпимого духа, повсюду превращающего англичан в замкнутую касту <...> Это глупая, угрюмая национальная гордыня, примеры которой я вижу ежедневно, принесет нам много вреда в этой стране <...> Мы исключаем местных жителей из нашего общества, и обычно в разговоре с ними у нас постоянно присутствует оскорбительный и высокомерный тон»⁸⁰. Кажущаяся эфемерность Британской империи⁸¹ была обусловлена тем, что эта империя в действительности представляла собой совокупность «взаимосвязанных мини-империй»⁸² — купеческих корпораций, которые по мере падения прибылей просто переложили свои издержки на государство, доверив их «централизованной власти метрополии»⁸³.

Становление концепта демократизации. Следующий этап операционализации концептов Просвещения приходится на начало XX столетия, когда Pax Britannica исчерпал ресурсы своего развития: рынки насытились, и свобода торговли утратила статус «непререкаемого экономического евангелия»⁸⁴, поскольку несла теперь уже не столько обогащение имущих слоев, сколько обнищание широких масс. Естественным образом это породило разочарование в британской свободе торговли, самозамыкание государств и вытекающий отсюда всеобщий протекционизм, ставший одной из важнейших причин Первой мировой войны, бывшей de facto войной за передел мира.

Именно в момент этой всеобщей европейской схватки сохранявший собственность на власть в Америке купец увидел для себя шанс вырваться вперед. Вудро Вильсон, изначально рассчитывавший выстроить по итогам войны «союз центров белой расы» в лице США, Англии и Германии (идея «сверхтриумвирата» была актуальной вплоть

⁷⁷ Следзевский 2010: 25.

⁷⁸ Там же: 30.

⁷⁹ Там же: 30.

⁸⁰ Грудзинский 2015: 128.

⁸¹ Следзевский 2010: 30.

⁸² Там же: 28.

⁸³ Там же: 26.

⁸⁴ Маркс 1983: 26.

⁸⁵ Уткин 1989: 71, 130.

⁸⁶ Там же: 66.

⁸⁷ Гершов 1983: 108.

⁸⁸ Цит. по: Гершов 1983: 109.

⁸⁹ Уткин 1989: 41.

⁹⁰ Там же: 163.

⁹¹ Там же: 43.

⁹² Григорьев 2014: 22, 82–87, 221–222.

⁹³ Там же: 222.

до 1915 г.)⁸⁵, по ходу развития событий обнаружил возможность резко повысить ставки и стать архитектором нового мирового порядка. Эти амбиции имели весомые финансовые основания — Соединенные Штаты были главным кредитором Антанты, уже в 1914 г. сумма выданных ими кредитов достигла 2 млрд долларов⁸⁶, а два года спустя количество перешло в качество, и превышение американского экспорта над импортом увеличилось, по сравнению с 1914 г., в пять раз⁸⁷. И в 1916 г. Вильсон смог уверенно заявить: «Мы должны играть большую роль в мире <...> Нам в значительной мере приходится финансировать мир, а тот, кто финансирует мир, должен понимать его и управлять им по своему знанию и разумению»⁸⁸.

Предлагавшееся Вильсоном переустройство, впрочем, было не чем иным, как экстраполяцией принципа *divide et impera* на мировое политическое пространство. Главным его инструментом был концепт национальных государств — «пробуждение народов», горячо поддержанное США, открывало путь к расщеплению конкурентов, каковыми Вильсон считал «главенствующие в мире шесть великих стран Европы» и европоцентристский мир в целом, которому и предстояло стать объектом трансформации⁸⁹. В результате Вильсон выступил пламенным проповедником раздела «великой Европы» на национальные составляющие: «мир должен быть правом народов, а не правительств — правом народов, великих и малых, слабых или могущественных, — их реальным правом на свободу, безопасность и самоуправление»⁹⁰. Чтобы быть прочным и окончательным, этот раздел нуждался в институционализации — и для этого была необходима «ассоциация наций, приверженных идее защиты целостности каждой; покушение одной из наций на существующее положение дел должно вызвать отпор всех прочих стран; речь идет о том, чтобы наказание следовало автоматически»⁹¹.

Оставляя за скобками иные аспекты культивирования национальных государств в качестве единственно «современной» нормы, следует констатировать, что с точки зрения экономики рационализм Вильсона был абсолютно прагматичен и предполагал институциональное закрепление экспансии американского купца: расщепление империй на национальные составляющие а priori разрушало сложившуюся в них систему разделения труда, заведомо понижая уровень технологичности производимой продукции вследствие распада прежних производственных контуров⁹². В подобной ситуации, как отмечает Олег Григорьев, все производители непродовольственной продукции с неизбежностью оказываются в глубоком и затяжном кризисе — что в очередной раз продемонстрировал распад Советского Союза, случившийся в конце XX в.⁹³ В начале же XX столетия этот тренд подрывал основы Pax Britannica, делая протекционизм единственно мыслимой экономической реальностью и тем самым закрепляя снижение качества жизни в Европе. Но целью Вильсона было, разумеется, не столько уничтожение мощи и влияния Британии, сколько захват ее рынков и интеграция их уже в американскую систему разделения труда. Казалось бы, протекционизм

исключал возможность такого поворота событий, однако Соединенные Штаты нашли к нему замечательную «отмычку» в виде корпоративизма, превратив в главный предмет своего экспорта не товары, а корпорации.

NB! «При переходе к транснациональной экспансии после завершения внутриконтинентальной интеграции, — пишет Арриги, — американские корпорации стали „троянскими конями“ на внутренних рынках других государств в вопросе мобилизации иностранных ресурсов и покупательной способности для своей бюрократической экспансии. Американский корпоративный капитал, таким образом, получал двойную выгоду от протекционистского движения, которое нанесло сокрушительный удар по британскому мировому рынку. Во-первых, он получал выгоду от своего контроля над самой динамичной и самой защищенной из всех национальных экономик, на которые был разделен мировой рынок; и, во-вторых, он получал выгоду от своей лучшей способности при помощи прямых иностранных инвестиций нейтрализовать и превращать в преимущество протекционизм других стран»⁹⁴.

⁹⁴ Арриги 2006: 373—374.

Понятно, что американская модель требовала реализации иных идеологических установок, нежели британская фритредерская концепция. Корпоративизм существенно меняет структуру разделения труда между колониями и метрополией: уже не товары метрополии обмениваются на ресурсы колоний, а труд населения колоний — на долю в прибыли от реализации конечного продукта. Другими словами, в рамках корпоративистской модели население колоний должно участвовать не только и даже не столько в потреблении, сколько в производстве товаров и благ, причем от него требуется уже вполне квалифицированный труд. Отсюда — необходимость иного типа социализации: на смену характерной для Pax Britannica сопричастности прогрессу через приобретение ассоциирующихся с ним товаров приходит сопричастность прогрессу за счет личного участия в их производстве. И в этом плане столь активно пропагандировавшаяся Вильсоном национальная идентичность неизбежно оказывалась лишь ступенью на пути дальнейшего дробления: со временем она тоже должна была расколоться, уступив место идентичности корпоративной. И действительно, британская семантика концепта свободы как свободы покупать в дальнейшем вытесняется иной — свободой, которую может предоставить своим сотрудникам корпорация, вершащая глобальный бизнес.

NB! Контуры этой новой идентичности (как они виделись ему в начале 90-х годов прошлого века) ярко обрисовал Жак Аттали: «Покончив с любой национальной „привязкой“, порвав семейные узы, заменив все это миниатюрными микропроцессорами, которые предоставят людям возможность решать многие проблемы, связанные с сохранением здоровья, образованием и личной безопасностью,

такие граждане — потребители из привилегированных регионов мира превратятся в „богатых номадов“. Они смогут принимать участие в освоении либеральной рыночной культуры, руководствуясь при этом своим политическим или экономическим выбором, они будут странствовать по планете в поисках путей использования свободного времени, покупать информацию, приобретать за деньги острые ощущения и такие товары, которые только они могут себе позволить, хотя и будут испытывать тягу к человеческому участию, тоску по уютной домашней обстановке и сообществу людей — тем ценностям, которые прекратили свое существование, так как их функции устарели»⁹⁵.

⁹⁵ *Аттали 1993: 8.*

Все эти сдвиги были концептуализированы в многочисленных теориях демократизации. Прагматика нормативной политической архитектуры, правда, не претерпела принципиальных изменений: ее главной целью по-прежнему была защита расширяющего свое влияние купца от символических фигур вождя и жреца, чья власть а priori объявлялась если не тиранией, то авторитаризмом. Фигура жреца осталась виртуальной, но роль протестантизма, в значительной мере утратившего свою релевантность с наступлением секулярной эпохи, функционально взял на себя концепт прав и свобод человека. Именно они и превращаются в главную ценность, определяющую основные смыслы концепта демократии в период глобального доминирования американского купца. Фигура же вождя теперь конструируется выборами, и электоральные процессы становятся во многом управляемыми — во-первых, ввиду расщепления обществ на индивидуальные составляющие, институционально исключающие возникновение руссоистской «воли народа», а во-вторых, потому, что для проведения электоральной кампании необходимы ресурсы, вложить которые в состоянии лишь купец. Таким образом, институт выборов приобретает два измерения: в публичном измерении он является конкуренцией кандидатов, в ресурсном — конкуренцией инвестировавших в кандидатов корпораций.

По мере расширения избирательного права участие купца в политическом процессе приобретает все более опосредованный характер, и если отцы-основатели Соединенных Штатов еще могли обосновывать власть как логичное продолжение права собственности, то уже в XX в. купец надежно уходит в тень, предпочитая действовать в качестве нанимателя символической фигуры вождя, то есть инвестора в предвыборную кампанию. Интересно, что этот постепенный уход купца за кулисы политической сцены коррелирует с выделением все новых и новых привилегированных меньшинств, наличие которых позволяет создавать не только новые рынки, но и соответствующие публично-политические дискурсы и тем самым сохранять власть при ограниченных вложениях ввиду отсутствия необходимости завоевывать симпатии абсолютного большинства. В течение XX столетия

эти меньшинства последовательно концептуализируются либо как угнетенные, лишенные прав по факту рождения, которые нуждаются не только в восстановлении исторической справедливости, но и в предоставлении специальных привилегий⁹⁶, либо как особо информированные, активные⁹⁷ и т.д.

⁹⁶ Pateman 1988: 20, 29, 31, 39, 41, 44–45; Шенли, Пейтмен 2005: 274–279.

⁹⁷ Макферсон 2011: 162–170.

При этом волны демократизации — их в XX в. было три — существенно различаются по своему семантическому наполнению. Так, первая волна, прокатившаяся после Первой мировой войны, с подачи Вильсона во многом оказалась «мягкой посадкой» Британской империи. Рациональное измерение свободы в ее контексте сводилось в первую очередь к высвобождению наций и деконструкции империй, превратившихся в символ угнетения. Новая национальная реальность была институционализована Лигой Наций, которая, по идее, должна была зацементировать новую реальность. Главным признаком и атрибутом демократии стал институт выборов, в котором, помимо прочего, видели механизм, позволяющий формировать единую политическую нацию, охватывающую все классы, тем самым снимая взрывоопасный раскол на управляющих и управляемых.

Вторая волна демократизации во многом была реакцией на возникновение биполярного мира, точнее, на воплощение в СССР руссоистской по сути модели, где декларируемая демократия оказалась способом культивирования общественных благ — по той простой причине, что ничем иным власть себя легитимировать и не могла. Коллективизму советского партийного жреца были противопоставлены права человека и индивидуализм, и рациональная составляющая свободы стала мыслиться как свобода индивида, сопряченного глобальному корпоративизму, а вследствие этого — и прогрессу. Анализируя результаты реализации плана Маршалла в Европе, Ричард Гриффитс и Виктор Сергеев отмечают, что его прагматическим смыслом, наряду с прочим, было вменение национальным государствам заботы о поддержании качества рабочей силы, которая уже превратилась в ресурс, доступный транснациональным корпорациям⁹⁸. В рамках выстраиваемой США системы разделения труда прибыль все больше концентрировалась в руках транснационального купца, тогда как издержки возлагались на национальные государства; при этом часть государственных функций многочисленных национальных «вождей» переходила к наднациональным образованиям.

⁹⁸ Гриффитс, Сергеев 2003: 58–60.

Третья волна демократизации, возникшая в результате распада советской системы, на концептуальном уровне означала подавление, как минимум на время, сложившегося в СССР руссоистского концепта демократии гоббсовским процедурным. С третьей волной связаны попытки формирования полноценного американоцентричного международного порядка, претендующего на глобальное продвижение демократии и монополию на демократизацию, которая вполне в духе Дж.Милля мыслилась как деконструкция, если не ликвидация, институтов вождя и жреца. Концепт свободы снова трансформировался — на этот раз

⁹⁹ Фукуяма 2004: 6, 8, 46, 115.

в концепт свободы безграничного потребления. Демократия же обрела статус универсалии, превратившись в неременное условие вхождения в клуб современных государств (что и позволило Фрэнсису Фукуяме в свое время уверенно заявить о «конце истории»⁹⁹). Правда, ситуация довольно быстро обернулась своей противоположностью, придав демократической семантике иной смысл: если в эпоху биполярного противостояния принадлежность к «демократическому миру» подразумевала привилегии, то в новой реальности она стала означать лишь некую степень защищенности от внешних усилий по «демократизации». Такого рода конъюнктура не могла не привести к дальнейшему размытию и без того не слишком четких смысловых рамок протестантского концепта демократии, и присвоение тому или иному режиму статуса демократического стало определяться главным образом отношениями этого режима с «демократическим ядром» американоцентричных стран и практически полностью перестало зависеть от тех качеств, которыми он действительно обладает.

* * *

Представленная выше картина развития европейского политического рационализма, разумеется, далека от полноты и охватывает в лучшем случае его поворотные точки. Тем не менее, опираясь на нее, можно высказать ряд аналитических соображений и сделать некоторые выводы. Так, примечательно, что на всех этапах развития легитимация собственных действий именем общества, во многом породившая современный демократический рационализм, осуществлялась преимущественно купцом — при том что и жрец, и вождь, в силу жанровых особенностей их самореализации посредством взаимодействия именно с обществом, а не с суммой индивидов, имели для этого как минимум не меньше оснований. Причина тому — явно неполитическая, партикулярная природа купца, лишенного, в отличие от двух других символических фигур, собственного запаса политической легитимности.

Пространство свободы, которое остается незанятым при политическом доминировании купца, на поверку оказывается довольно узким, если не откровенно тесным, что заставляет усомниться в обоснованности традиционно выдвигаемых купцом обвинений вождя и жреца в тирании и деспотизме. С точки зрения ущемления интересов общества между доминированием фигур жреца, вождя и купца нет принципиальной разницы, и его характер зависит скорее от законов социальной физики, нежели от конкретной конфигурации. Другое дело, что и распределение свободы — между обществом, индивидом и государством, — и ее агрегатное состояние (например, свобода действий и свобода внутренняя) будут в каждом случае разными.

Похоже, что существенное различие между политическими системами с доминированием купца, вождя и жреца состоит вовсе не

в объеме свободы, а в способности к смыслопорождению: будучи по определению фигурой партикулярной, купец способен порождать только партикулярные, частные смыслы, которые «съедают» смыслы более общие, вытекающие из деятельности индивида в социуме. Соответственно, политическая гегемония купца с неизбежностью приводит к кризису общественно значимых смыслов и основанных на них ценностей. Маркетизируясь и тем самым обретая монетарный эквивалент, эти ценности тут же становятся подверженными инфляции.

В этом плане Постмодерн является не столько новой эпохой, сколько реакцией общественного организма, если использовать терминологию Жан-Жака Руссо, на эффект растворения ценностей. Реакцией, отметим, не рефлекторной, которую можно было бы свести к разовым всплескам и эксцессам, а вполне живой и осознанной, ломающей установленные рамки — как, например, реализовавшиеся на наших глазах Brexit и приход к власти в США Дональда Трампа, ставшего, похоже, первым американским президентом, избранным консолидированным большинством, а не совокупностью меньшинств, как предполагалось отцами-основателями.

Библиография

- Айзенштат М., Гелла Т. 1999. *Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке.* — М.
- Аристотель. 2005. *Евдемова этика.* — М.
- Арриги Дж. 2006. *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени.* — М.
- Агтали Ж. 1993. *На пороге нового тысячелетия.* — М.
- Бентам И. 1998. *Введение в основания нравственности и законодательства.* — М.
- Бентам И. 2006. *Тактика законодательных собраний.* — Челябинск.
- Бодрийяр Ж. 2013. *Симулякры и симуляция.* — Тула.
- Бонгард-Левин Г. 1973. *История Индии.* — М.
- Гершов З. 1983. *Вудро Вильсон.* — М.
- Григорьев О. 2014. *Эпоха роста: Лекции по неоконимике. Расцвет и упадок мировой экономической системы.* — М.
- Гриффитс Р.Т., Сергеев В.М. 2003. *Экономическая реконструкция: Сопоставление послевоенной Европы и постсоветской России.* — М.
- Грудзинский В. 2015. *Великобритания и ее империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации.* — Челябинск.
- Джефферсон Т. 1990. *Автобиография.* — Л.
- Каспэ С. 2016. Пустое место: демократия как политическая форма // *Полития.* № 2 (81).
- Макферсон К. 2011. *Жизнь и времена либеральной демократии.* — М.
- Маркс К. 1983. *Капитал: Критика политической экономии.* Т. 1. Кн. 1. — М.

- Милль** Дж.С. 1863. *Размышления о представительном правлении*. — СПб.
- Парфенов** И. 1980. *Монополия и империя: Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80—90-х годов XIX в.* — Саратов.
- Следзевский** И. 2010. Цивилизационное основание и культурная логика трансформации британского мира в империю // Пегушев А.М., Сергеев Е.Ю. (ред.) *Британская империя в XX веке*. — М.
- Судаков** С. 2016. *Американская исключительность*. — М.
- Тойнби** А. 2002. *Постижение истории*. — М.
- Уткин** А. 1989. *Дипломатия Вудро Вильсона*. — М.
- Федералист: Политические эссе А.Гамильтона, Дж.Мэдисона и Дж.Джея**. 1994. — М.
- Фуко** М. 1999. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. — М.
- Фуко** М. 2005. Истина и правовые установления // Фуко М. *Интеллектуалы и власть*. Ч. 2. — СПб.
- Фукуяма** Ф. 2004. *Конец истории и последний человек*. — М.
- Хазанов** А. 2015. *История Индийского океана (XVI—XIX вв.)*. — М.
- Хайдекинг** Ю. (ред.) 1997. *Американские президенты*. — Ростов-на-Дону.
- Шенли** М., Пейтмен К. 2005. *Феминистская критика и ревизия истории политической философии*. — М.
- Широкоград** А. 2014. *Британская империя*. — М.
- Яковлев** Н. 1994. Послание в будущее // *Федералист: Политические эссе А.Гамильтона, Дж.Мэдисона и Дж.Джея*. — М.
- Mill** J. 1817. *The History of British India*. Vol. 1. — L.
- Pateman** C. 1988. *The Sexual Contract*. — Cambridge.

References

- Aisenstat** M., Gella T. 1999. *Anglijskie partii i kolonial'naja imperija Velikobritanii v XIX veke*. — M.
- Aristotle**. 2005. *Evdemova ehtika*. — M.
- Arrighi** G. 2006. *Dolgiij dvadcatyj vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni*. — M.
- Attali** J. 1993. *Na poroge novogo tysjacheletija*. — M.
- Baudrillard** J. 2013. *Simuljakry i simuljacija*. — Tula.
- Bentham** J. 1998. *Vvedenie v osnovanija npravstvennosti i zakonodatel'stv*. — M.
- Bentham** J. 2006. *Taktika zakonodatel'nyh sobranij*. — Chelyabinsk.
- Bongard-Levin** G. 1973. *Istorija Indii*. — M.
- Federalist: Politicheskie ehsse A.Hamilton'a, J.Madison'a i J.Jay'a**. 1994. — M.
- Foucault** M. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tjur'my*. — M.
- Foucault** M. 2005. Истина и правовые установления // Foucault M. *Интеллектуалы и власть*. Ч. 2. — СПб.
- Fukuyama** F. 2004. *Konec istorii i poslednij chelovek*. — M.

- Gershov Z.** 1983. *Woodrow Wilson*. — М.
- Griffiths R.T., Sergeev V.M.** 2003. *Ekonomicheskaja rekonstrukcija: Sopostavlenie poslevoennoj Evropy i postsovetskoj Rossii*. — М.
- Grigor'ev O.** 2014. *Epoha rosta: Lekcii po nekonomike. Rascvet i upadok mirovoj Ekonomicheskoi sistemy*. — М.
- Grudzinsky V.** 2015. *Velikobritanija i ee imperija v seredine XIX veka: liberalizm i problema modernizacii*. — Chelyabinsk.
- Hazanov A.** 2015. *Istorija Indijskogo okeana (XVI—XIX vv.)*. — М.
- Heideking Yu.** (ed.) 1997. *Amerikanske prezidenty*. — Rostov-na-Donu.
- Jefferson T.** 1990. *Avtobiografija*. — L.
- Kaspe S.** 2016. Pustoe mesto: demokratija kak politicheskaja forma // *Politeia*. № 2 (81).
- Macpherson C.** 2011. *Zhizn' i vremena liberal'noj demokratii*. — М.
- Marx K.** 1983. *Kapital: Kritika politicheskoi Ekonomii*. T. 1. Kn. 1. — М.
- Mill J.** 1817. *The History of British India*. Vol. 1. — L.
- Mill J.S.** 1863. *Razmyshlenija o predstavitel'nom pravlenii*. — SPb.
- Parfenov I.** 1980. *Monopolija i imperija: Anglijskie privilegirovannye kompanii i kolonial'naja Ekspansija 80—90-h godov XIX v.* — Saratov.
- Pateman C.** 1988. *The Sexual Contract*. — Cambridge.
- Shanley M., Pateman C.** 2005. *Feministskaja kritika i revizija istorii politicheskoi filosofii*. — М.
- Shirokorad A.** 2014. *Britanskaja imperija*. — М.
- Sledzevsky I.** 2010. Civilizacionnoe osnovanie i kul'turnaja logika transformacii britanskogo mira v imperiju // Pegushev A.M., Sergeev E.Ju. (eds.) *Britanskaja imperija v XX veke*. — М.
- Sudakov S.** 2016. *Amerikanskaja iskljuchitel'nost'*. — М.
- Toynbee A.** 2002. *Postizhenie istorii*. — М.
- Utkin A.** 1989. *Diplomatija Woodrow Wilson'a*. — М.
- Yakovlev N.** 1994. Poslanie v budushhee // *Federalist: Politicheskie ehsse A.Hamilton'a, J.Madison'a i J.Jay'a*. — М.